

О. М. Коржинская

Индийские сказки

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-053.2
ББК 74.102
О-11

О-11 **О. М. Коржинская**
Индийские сказки / О. М. Коржинская – М.: Книга по Требованию, 2024. – 128 с.

ISBN 978-5-458-10743-3

Сборник сказок для детей среднего возраста. Составлен по разным источникам О. М. Коржинской, с предисловием академика С.Ф.Ольденбурга.

ISBN 978-5-458-10743-3

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ПРЕДИСЛОВІЕ

Тамъ, далеко за морями, садится солнце. На поля, на деревни ложатся сумерки. Погасъ закатъ и быстро, точно невзначай, наступаетъ тьма. На небѣ, чуть видными блестками, зажигаются звѣзды. День окончился, знойный и трудовой. Всѣ ищутъ отдыха и прохлады, но накаленная земля пышетъ жаромъ и горячая постель не даетъ желаннаго покоя. Вся деревня еще на ногахъ и вокругъ домовъ въ деревнѣ точно жужжаніе пчелъ: идутъ безконечныя бесѣды, тянутся длинные рассказы.

Вонъ тамъ, на краю деревни, гдѣ безъ умолку лаютъ собаки, собралась дѣтвора и бойкіе мальчишка, лучший сказочникъ въ округѣ, начинаетъ: «Жилъ, былъ...» и льется сказка про царевича-богатыря, про прекрасную царевну, про весь тотъ волшебный міръ, который для деревенскаго мальчика существуетъ гдѣ-то далеко, далеко, и слушаешь его и слышишь въ устахъ индійскаго мальчика тѣ же сказки, которыя на суровомъ сѣверѣ у пылающаго очага сѣдя старухи рассказываютъ дѣтямъ. Имена другія и краски ярче и рѣзче, но рассказы все больше тѣ же: тутъ и храбрый портняжка, который въ Инд и сталъ горшечником. Кудесникъ по случайности, Харисарманъ, обошелъ сказки всѣхъ странъ подъ разными именами. Старые знакомые нашихъ дѣтскихъ сказокъ, волкъ и лиса, живутъ въ Индіи какъ тигръ и шакалъ.

Но не объ однихъ только старыхъ нашихъ знакомцахъ умѣютъ повѣствовать маленькіе рассказчики въ ночной темнотѣ индійской деревни. Новые образы мелькаютъ передъ нами, неслыханные нами подвиги совершаютъ богатыри, переживаютъ невѣдомыя намъ раньше приключенія. Великій царь Викрамадитья, о времени жизни котораго спорятъ ученые и который далъ имя новой эрѣ въ Индіи, сказкою превращенъ въ Викрамамахараджу. И сказка повѣствуетъ о томъ, какъ жадный до приключеній царь, получивъ отъ бога умѣнье переселяться въ тѣло другого существа, сдѣлался попугаемъ. Быть можетъ, впрочемъ, въ этой чисто индійской сказкѣ слышится отголоски того рассказа, который хорошо знакомъ русскому читателю, какъ повѣсть о гордомъ царѣ Аггеѣ. Наукѣ оживлять мертвое тѣло и переноситься самому въ него учатъ священныя книги индійцевъ, и сказки о Викрамѣ живо свидѣтельствуютъ о вѣрѣ народной въ чудесную силу заклинаній.

Вѣра народная! Какъ она и проста, и сложна вмѣстѣ съ тѣмъ, тамъ, въ этой далекой, полной очарованій для насъ странѣ. Все живетъ, все имѣетъ свою душу — духи и боги на каждомъ шагу. Природа вся одухотворена, это такъ просто! А вмѣстѣ съ тѣмъ и какъ сложно, потому что тутъ рядомъ, вокругъ человѣка, цѣлый другой міръ, въ существованіи котораго человѣкъ такъ убѣжденъ. Наши сказки то же полны волшебства, духовъ, фей, сверхъестественныхъ силъ, но для насъ все это почти только символы. Міръ дѣйствительный и міръ сказочный отдѣлены для насъ непроходимой гранью. Не то въ Индіи, даже въ наши дни.

Индіецъ часто затруднится сказать, гдѣ кончается сказка и легенда и гдѣ начинается дѣйствительность. Эта жизнь сказки, какъ дѣйствительности, и составляетъ неотразимую прелесть индійской сказки. Конечно, покрытая холодной одеждой нашихъ сѣверныхъ словъ, лишенная своихъ, для насъ иногда до безобразія яркихъ тоновъ, она не то, что тамъ на родинѣ въ устахъ полунагого смуглаго мальчугана, льющагося потокомъ среди жаркой

индійской ночи. Но и такъ она полна прелести знакомаго и незнакомаго въ смѣшанныхъ и переплетшихся между собою разсказахъ.

И у насъ горы говорятъ въ сказкахъ, но въ ихъ разговорахъ не чувствуешь той жизни, которая проникла бесѣды горныхъ великановъ, стоящихъ на стражѣ великой индійской земли съ сѣверной стороны. Правъ индеецъ, когда онъ думаетъ, что весь этотъ горный міръ живетъ. Слушайте, какъ прекрасная, гордая Гвашбрани въ далекомъ Кашмирѣ склонилась къ ногамъ своимъ царственный Вестерванъ, великую, могучую гору.

Это было давно и міръ тогда былъ еще юнъ, тотъ міръ, который теперь уже старъ. И все было не такъ какъ теперь, и великій Вестерванъ, былъ царемъ надъ горами. Высоко, высоко поднимался онъ надъ всѣмъ, что было вокругъ него. И тучи ложились плащомъ на его плечи, а глава стояла гордо и одиноко въ синемъ небѣ. Надменный, онъ взиралъ только на солнце и звѣзды. И темною ночью звѣзды сіяли вѣнцомъ вокругъ его головы.

Зависть и злоба закрались въ сердце окрестныхъ горъ: Харамукхъ и Нангапарбатъ гнѣвались и негодовали на презрѣніе Вестервана. Одна дивная Гвашбрани, холодная и сіяющая среди льдовъ, молчала, наслаждаясь своею красотой.

Однажды, когда Вестерванъ окутался тучами и скрылся изъ глазъ, окрестныя горы повели опять свои злобныя рѣчи.

И съ презрѣніемъ сказала имъ красавица Гвашбрани: «Чего вы только спорите и негодуете? Гордъ великій Вестерванъ и главу его вѣнчаютъ звѣзды, но самъ онъ, ноги его здѣсь въ землѣ, изъ земли, какъ и мы. Въ немъ только немного больше земли, вотъ и все».

«Такъ чего-жъ онъ гордится? Кто сдѣлалъ его царемъ среди насъ?»

Улыбнулась красавица Гвашбрани, улыбнулась нехорошей улыбкой: «Кто сдѣлалъ его царемъ? А вы сами. Для меня онъ не царь, даже въ вѣнцѣ изъ звѣздъ. Я его царица».

И горы кругомъ засмѣялись, ибо ниже всѣхъ ихъ была Гвашбрани.

«Подождите — не встанетъ еще завтра солнце, и у ногъ моихъ ляжетъ Вестерванъ».

И вновь засмѣялись насмѣшливо горы, но красавица Гвашбрани не смѣялась и не говорила.

И весь длинный, лѣтній день она сіяла и улыбалась. Солнце стало заходить и, какъ чары, розовые чары, легли лучи его на весь міръ. И блѣдная Гвашбрани вспыхнула, точно блестя красотою и любовью.

И увидѣлъ высокій Вестерванъ это сіяніе и обернулъ онъ свой надменный взоръ туда внизъ, въ долины, и глядѣлъ, глядѣлъ въ нѣмомъ изумленіи на дивную красоту.

Ниже спустилось солнце и еще ярче зардѣлась красавица Гвашбрани, будто отъ взора великаго царя горъ. И по долинамъ пронесся крикъ: «Гвашбрани, поцѣлуй меня, или я умру».

Пораженные, стояли горы кругомъ и молчали, а отзвукъ переносилъ слова изъ долины въ долину.

И улыбнулась Гвашбрани и отвѣтила:

«Какъ быть тому, ты высокъ безконечно, царь, а я такъ низка? Какъ мнѣ достигъ твоей вѣнчанной звѣздами главы?» И вновь раздался тотъ же крикъ Вестервана. И красавица съ ледянымъ сердцемъ, Гвашбрани, чарующимъ шепотомъ дала свой отвѣтъ: «Ты любишь меня, наклонись ко мнѣ и поцѣлуй меня».

Ниже и ниже наклонился онъ, пока не легъ къ ногамъ Гвашбрани. Но солнце сѣло, и попрежнему, какъ всегда, холодная и надменная, стояла красавица Гвашбрани — и у ногъ ея лежалъ развѣнчанный навсегда великій Вестерванъ, а на небѣ сіялъ его звѣздный вѣнецъ.

Точно слышишь эти говорящія горы и видишь ихъ лица, точно это смуглые раджи и красавицы рани, царицы волшебныхъ дворцовъ!

Волшебство, да только волшебство, въ которое вѣрятъ, вотъ ключъ къ индійскимъ сказкамъ, такъ, какъ ихъ рассказываетъ народъ, такъ, какъ ихъ собираетъ заботливая рука тѣхъ, кому дороги и милы эти преданія другаго, далекаго отъ насъ, европейцевъ, народа, который въ давніе средніе вѣка послалъ къ намъ на усладу столько чудныхъ своихъ сказокъ. Какъ часто и въ дѣтствѣ, и послѣ мы читали эти сказки, переиначенныя, передѣланныя, и не знали, что намъ ихъ переслали наши далекіе индійскіе братья.

Когда индійскій рассказчикъ чувствуетъ, что рассказъ затянулся и надо кончить сказку, онъ, какъ и мы сейчасъ, говоритъ:

«Зачѣмъ ты сохнешь, терновый кустъ?
А чего ѣстъ меня корова твоя?
Зачѣмъ ты ѣшь его, корова?
А чего не смотришь за мною твой пастухъ?
Зачѣмъ ты не смотришь за нею, пастухъ?
А чего не даетъ мнѣ рису невѣстка твоя?
Зачѣмъ ты, невѣстка, не даешь ему рису?
А чего плачетъ мое дитя?
Зачѣмъ ты плачешь, дитя?
А чего щиплетъ меня муравей?
Зачѣмъ ты щиплешь дитя, муравей?
Кутъ! Кутъ! Кутъ!»

Сергій Ольденбургъ

Царевна Лабамъ

Жиль былъ въ нѣкоторомъ государствѣ царь и былъ у этого царя одинъ единственный сынъ, отрада и утѣшеніе его старости. Царевичъ страстно любилъ охоту и нерѣдко цѣлыми днями пропадалъ изъ дома. Это очень беспокоило мать его, царицу, и вотъ однажды призвала она сына и сказала ему: «Сынъ мой, успокой мое сердце, обѣщай исполнить мою просьбу. Когда ѣдешь на охоту, поѣзжай всюду куда вздумается, но никогда не ѣзди въ ту сторону». Она указала рукою на югъ. Царица знала, что въ той сторонѣ, гдѣ-то далеко за лѣсами и долами, живетъ царевна чудной красоты, прекрасная Лабамъ, и что кто только слышитъ про нее, тотъ забудетъ все на свѣтѣ, броситъ отца и мать и отправится искать царевну.

Царевичъ почтительно выслушалъ мать и обѣщалъ сообразоваться съ ея желаніемъ. Тѣмъ не менѣе, въ душу его закралось любопытство узнать, чѣмъ вызвано такое странное запрещеніе; и вотъ какъ-то разъ, выѣхавъ на охоту, онъ рѣшилъ свернуть въ запрещенную сторону. Долго ѣхалъ онъ, не замѣчая ничего особеннаго, наконецъ попалъ въ густую чащу и увидѣлъ вокругъ себя безчисленное множество попугаевъ. Царевичъ на удачу пустилъ стрѣлу въ одного изъ нихъ и вся стая мгновенно поднялась и взвилась высоко надъ его головою. На мѣстѣ остался лишь самый крупный изъ нихъ, царь ихъ, Хариманъ.

Очутившись одинъ, онъ закричалъ имъ вслѣдъ человѣческимъ голосомъ: «Эй вы! Какъ смѣете улетать и оставлять меня одного въ опасности? Вотъ расскажу я про вашу измѣну царевнѣ Лабамъ!»

Услышавъ грозный окрикъ своего повелителя, всѣ попугаи снова слетѣлись вкругъ него. Царевичъ долго не могъ прійти въ себя отъ изумленія. Какъ, птица и говоритъ человѣческимъ голосомъ? И кто такая царевна Лабамъ, о которой упомянулъ попугай? Онъ подошелъ поближе къ Хариману. «Скажи мнѣ, кто эта царевна Лабамъ? Гдѣ она живетъ?» Но попугай только насмѣшливо посмотрѣлъ на него. «Не видать тебѣ никогда ни царевны Лабамъ, ни страны ея, уходи откуда пришелъ, дерзкій чужеземецъ!»

И съ этими словами онъ подаль знакъ; вся стая снялась и исчезла въ поднебесьи.

Оскорбленный царевичъ съ досадою бросилъ оружіе оземь и поѣхалъ домой. Молча

Царевичъ на удачу пустилъ стрѣлу въ одного изъ нихъ.

прошелъ онъ въ свои покои, легъ на постель и нѣсколько дней упорно отказывался отъ пищи и питья и никого не допускалъ къ себѣ. Родители его были въ отчаяніи. Наконецъ царевичъ заговорилъ. «Гдѣ царевна Лабамъ?» спросилъ онъ. «О, скажите мнѣ, гдѣ искать ея! Я долженъ ѣхать за нею. Скажите, гдѣ искать ея царство?»

«Никто не знаетъ гдѣ оно!» печально отвѣчали царь и царица.

«Такъ я самъ попытаюсь найти дорогу!» упрямо заявилъ царевичъ.

«О не ѣзди, дорогой», умоляла царица, «не покидай насъ! Не найти тебѣ заколдованнаго царства, только напрасно погубишь свою молодую жизнь!»

Но царевичъ упорно стоялъ на своемъ. «Я, долженъ ѣхать искать ее, хотя бы это стоило мнѣ жизни. Можетъ быть боги укажутъ мнѣ путь къ ней. Если останусь въ живыхъ и найду ее, я вернусь къ вамъ. Не вернусь, значить я погибъ и никогда больше васъ не увижу... А все-таки я не могу не ѣхать». И имъ пришлось отпустить его, хотя много слезъ было пролито при прощаніи.

Отецъ далъ ему пышное одѣяніе и великолѣпнаго коня. Онъ снабдилъ его также всякаго рода оружіемъ и драгоценнымъ лукомъ со стрѣлами; не забылъ и сумку съ золотыми монетами, такъ какъ золото всегда могло понадобитсяъ въ пути. Мать же вынесла ему небольшой узелокъ съ сладкими лепешками, издѣліемъ рукъ своихъ. «Возьми, дитя мое», со слезами сказала она, «проголодаешься въ пути, подкрѣпись этими лепешками».

Царевичъ сѣлъ на коня и пустился въ путь. Онъ ехалъ, куда глаза глядятъ, все дальше и дальше по направленію къ югу, пока не заѣхалъ въ дикое пустынное мѣсто. Посреди лежалъ прудъ, окаймленный тѣнистыми деревьями. Царевичъ спѣшилъ, освѣжился самъ въ пруду, выкупалъ коня и сѣлъ отдохнуть на берегу. «Пора приняться за лепешки», сказалъ онъ себѣ, «поѣмъ, выпью воды и поѣду дальше». Онъ развязалъ узелокъ и вынулъ одну лепешку. Въ срединѣ оказался муравей. Онъ взялъ другую; тамъ тоже сидѣлъ муравей. Царевичъ одну за другой перебралъ всѣ лепешки и въ каждой нашелъ по муравью. «Ну, нечего дѣлать!» рѣшилъ онъ, выкладывая лепешки на землю, «не стану ѣсть, пускай за меня муравьи ѣдятъ».

Тутъ явился къ нему муравьиный царь. «Царевичъ», сказалъ онъ ему, «ты былъ добръ къ намъ и мы не забудемъ тебя. Если окажешься въ бѣдѣ, вспомни обо мнѣ и я явлюсь къ тебѣ на помощь съ моимъ народомъ».

Сынъ раджи вѣжливо поблагодарилъ муравья, сѣлъ на лошадь и поѣхалъ дальше.

Онъ ѣхалъ и ѣхалъ все впередъ, наконецъ снова заѣхалъ въ чащу и увидѣлъ тамъ тигра, который громко вылъ, повидимому отъ боли. «Что ты такъ реवेशь?» спросилъ царевичъ. «Что съ тобою приключилось?»

«У меня заноза сидитъ въ ногѣ вотъ ужъ двѣнадцатый годъ», отвѣчалъ тигръ, "и такъ страшно болитъ! я не могу удержаться отъ крика».

«Дай мнѣ посмотрѣть свою лапу», сказалъ царевичъ. «Я постараюсь вынуть занозу. Только вотъ что: вашъ братъ, тигръ, плохо помнитъ услугу, ты, пожалуй, съѣшь меня въ благодарность?»

«О нѣтъ», воскликнулъ звѣрь, «никогда не рѣшусь я съѣсть своего благодѣтеля!»

Царевичъ остриемъ кинжала вырѣзалъ занозу изъ лапы тигра. Тотъ такъ сильно рычалъ при этомъ, что тигрица изъ сосѣдней джонгли услышала ревъ супруга и бросилась къ нему на помощь. Тигръ издали увидѣлъ ее и спряталъ царевича въ кусты. «Кто смѣлъ обидѣть тебя?» грозно зарычала тигрица.

«Никто не обижалъ меня», отвѣчалъ тигръ, «напротивъ, пришелъ ко мнѣ невѣдомый царевичъ и вынулъ занозу изъ моей лапы. Если ты обѣщаешь не вредить ему, я покажу его тебѣ».

«Неужели ты думаешь, что я рѣшусь вредить ему послѣ такой услуги! Скорѣй зови его, чтобъ я могла выразить ему свою благодарность».

Тигрь позваць царевича и оба, тигрь и тигрица, склонились передъ нимъ въ знакъ благодарности. Они всячески угощали его и ухаживали за нимъ и цѣлыхъ три дня не отпускали отъ себя. Каждый день царевичъ осматривалъ лапу тигра, наконецъ на третій день рана совсѣмъ зажила и царевичъ рѣшилъ ѣхать дальше. «Царевичъ», сказалъ ему тигрь при прощаньи, «я не забуду твоей услуги. Если когда-нибудь ты очутишься въ бѣдѣ, вспомни объ насъ и мы оба явимся къ тебѣ на помощь?»

Царевичъ благодарилъ и поѣхалъ дальше. Онъ ѣхалъ и ѣхалъ не останавливаясь, пока опять не заѣхалъ въ чашу. Тамъ, на полянкѣ, увидѣлъ онъ четырехъ факировъ, учитель которыхъ умеръ и оставилъ имъ въ наслѣдство четыре вещи: постель-самолетъ, сумку, каменную чашу и дубинку съ веревкой. Постель-самолетъ несла своего обладателя всюду куда ему только вздумается; сумка доставляла все, что только могъ пожелать ея хозяинъ; каменная чаша сама при первомъ требованіи наполнялась водою, какъ бы далеко не былъ источникъ, а дубинкѣ съ веревкою достаточно было сказать, если кто вздумаетъ напасть на ея хозяина, «дубинка, колоти всѣхъ, кого ни попало!» и дубинка примется колотить, а веревка вязать, пока со всѣми не покончатъ.

Четыре факира ссорились изъ-за этихъ предметовъ и никакъ не могли подѣлить ихъ между собою.

Царевичъ сказалъ имъ: «Не ссорьтесь по пустому, я помирю васъ. Я выпущу четыре стрѣлы по четыремъ направленіямъ. Кто первый найдетъ первую стрѣлу получить постель; кто найдетъ вторую, пусть беретъ сумку; кто третью, тому достанется чаша, а кто принесетъ четвертую, пусть довольствуется дубинкою съ веревкою». Факиры согласились и принцъ натянулъ лукъ.

Высоко взвилась стрѣла и исчезла въ воздухъ. Всѣ факиры бросились вслѣдъ за нею. А царевичъ, тѣмъ временемъ, соскочилъ съ коня, вскочилъ на постель, прихватилъ съ собою сумку, чашу и дубинку и пожелалъ очутиться въ странѣ царевны Лабамъ. Постель тотчасъ же понеслась по воздуху и скоро опустилась на землю на границѣ царства прекрасной Лабамъ. Царевичъ забралъ свои сокровища и пошелъ пѣшкомъ. Скоро на пути его показался городъ, а на самомъ краю его небольшая лачужка. Царевичъ направился къ ней. На порогъ стояла старуха. «Кто ты такой?» спросила она. «Откуда ты?»

«Я изъ дальнихъ странъ», отвѣчалъ царевичъ. «Я сильно усталъ и измучился дорогой. Позволь мнѣ, матушка, переночевать у тебя».

Старуха покачала головою. «Не могу я дозволить этого, сынъ мой, царь нашъ строго запретилъ чужеземцамъ останавливаться въ странѣ. Спѣши скорѣе уйти изъ города». «Сжался надо мною, матушка, пусти хоть на одну ночку! Теперь ужъ скоро стемнѣетъ и дикіе звѣри растерзають меня въ пустынѣ».

«Нечего дѣлать», вздохнула старуха, «оставайся сегодня ночевать, но завтра чѣмъ свѣтъ ты долженъ уходить, а то если царь узнаетъ, что я пріютила тебя, онъ велитъ схватить меня и посадить въ тюрьму».

Съ этими словами она впустила его въ домъ, чему царевичъ былъ несказанно радъ. Старуха принялась было готовить ему обѣдъ, но онъ остановилъ ее. «Не трудись, матушка, у меня все найдется. Сумка, дай намъ пообѣдать!» сказалъ онъ, постукивая по своей сумкѣ и тотчасъ же передъ ними появилось великолѣпное угощеніе на двухъ золотыхъ блюдахъ. Старуха и царевичъ сѣли вмѣстѣ за трапезу.

Когда они кончили, женщина встала, чтобъ идти за водою. «Не трудись, матушка», снова остановилъ ее царевичъ, «у меня и вода подъ рукою». Онъ досталъ свою чашу, сказалъ ей: «Чаша, дай воды!» и чаша тотчасъ же стала наполняться водою. Царевичъ

крикнулъ: «Вода остановись!» и вода остановилась. «Вотъ видишь, матушка», сказалъ онъ удивленной старухѣ, «съ этою чашею я во всякое время могу достать тебѣ воды; тѣбе незачѣмъ идти къ колодцу».

Тѣмъ временемъ уже стемнѣло. «Отчего ты огня не засвѣтишь?» спросилъ царевичъ.

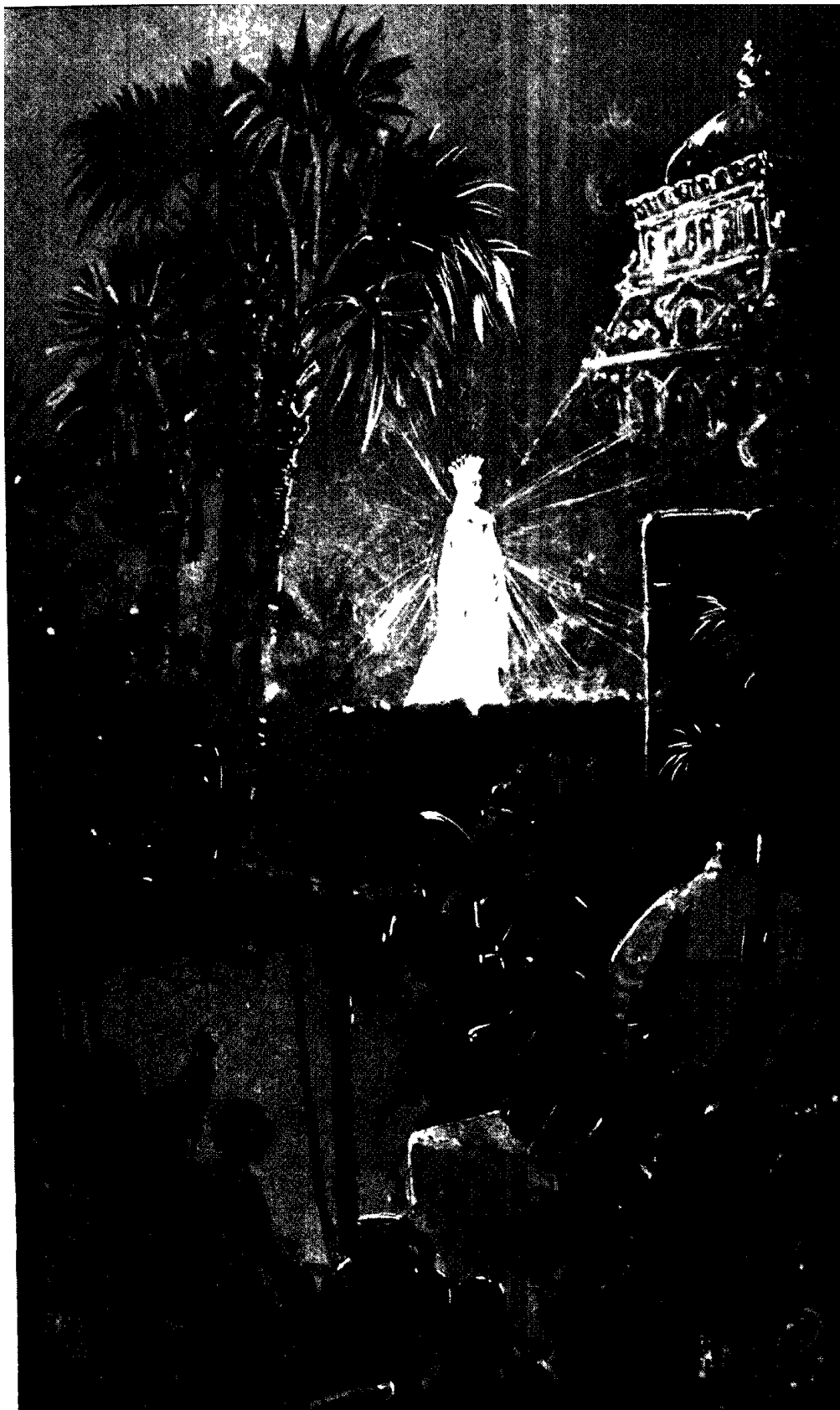
«Нѣтъ надобности, сынъ мой», отвѣчала старуха. «Царь не велитъ намъ освѣщать жилища, такъ какъ съ насту пленіемъ ночи дочь его, царевна Лабамъ, выходитъ изъ дворца и садится, на крышу. А она такъ сіяетъ, что озаряетъ всю страну, и поля, и дома наши и мы при этомъ свѣтѣ можемъ работать не хуже, чѣмъ днемъ».

И дѣйствительно, скоро царевна показалась на крышѣ. Одежда, ея сверкала золотомъ и серебромъ; волосы густою волною падали до самыхъ пятъ, на головѣ красовалась повязка изъ жемчуговъ и алмазовъ. Царевна вся свѣтилась тихимъ сіяніемъ какъ яркій мѣсяцъ и была такъ прекрасна, что ночь обращалась въ день подъ блескомъ ея красоты. Днемъ, она никогда не выходила изъ дворца; она показывалась только ночью. Зато подданные отца ея съ нетерпѣніемъ ждали ея появленія на дворцовой крышѣ и, озаренные ея волшебнымъ свѣтомъ, спѣшили закончить начатое днемъ дѣло.

Царевичъ спокойно сидѣлъ на порогѣ хижины и любовался царевною. «Какъ она прекрасна!» шепталъ онъ съ восторгомъ. Царевна посидѣла нѣкоторое время на крышѣ, потомъ встала и, удалилась въ свои покои, гдѣ скоро заснула. Царевичъ тоже вошелъ въ хижину, подождать пока старуха заснетъ, сѣлъ на постель-самолетъ и пожелалъ перенестись въ спальню царевны. Онъ тотчасъ же очутился тамъ. Царевна крѣпко спала среди своихъ прислужницъ. «Сумка, мнѣ надо бетеля, много бетеля!» шепнулъ царевичъ, и драгоценные листья мигомъ усѣяли полъ опочивальни. Царевичъ же спокойно вернулся въ домъ старухи. На слѣдующее утро прислужницы царевны увидѣли листья и принялись съ восторгомъ жевать ихъ. «Гдѣ вы достали столько бетеля?» спросила удивленная царевна. "Мы, нашли ихъ у ложа твоего о, повелительница!» отвѣчали прислужницы. Никто не видалъ царевича и не зналъ откуда взялись благовонные листья.

Ранымъ рано на слѣдующій день старуха разбудила царевича.

«Утро настало», говорила она, «пора тебѣ уходить! Узнаетъ царь, что ты тутъ, онъ посадитъ меня въ тюрьму».

Царевна вся свѣтилась тѣхимъ сїяніємъ

«Охъ, матушка, дорогая, позволь мнѣ еще денекъ остаться. Я не въ силахъ встать, я совсѣмъ нездоровъ сегодня».

«Что жъ дѣлать? Оставайся пожалуй». И онъ остался, и они опять пообѣдали вмѣстѣ изъ сумки и добыли воду изъ чаши.

Когда наступила ночь, царевна снова тихо засіяла на крышѣ, а въ полночь, когда всѣ улеглись, она вернулась въ свою опочивальню и крѣпко заснула. Царевичъ снова сѣлъ на свою постель и полетѣлъ къ царевнѣ. «Сумка, дай мнѣ покрывало!» приказалъ онъ сумкѣ и тотчасъ же въ рукахъ его оказалась великолѣпная тончайшая шаль. Онъ осторожно накинулъ ее на спящую царевну и вернулся въ лачугу, гдѣ мирно проспалъ до утра.

На слѣдующее утро царевна тотчасъ же замѣтила великолѣпное покрывало и очень обрадовалась. «Взгляни, матушка», сказала она матери, «это вѣрно боги шлютъ мнѣ въ подарокъ. Откуда иначе могла взяться такая чудная шаль? Она слишкомъ прекрасна для смертной?».

«О да, дитя мое, это вѣрно подарокъ боговъ, согласилась мать.

Когда на слѣдующее утро старуха напомнила царевичу, что пора уходить, онъ снова отвѣтилъ ей: «Матушка, право я чувствую, что совсѣмъ еще болѣнъ». «Оставь меня еще на нѣсколько дней. Никто не увидитъ меня, я не выйду изъ хижины». И старуха, которой очень пріятно было имѣть такого гостя, оставила его въ покоѣ.

Снова наступила ночь, снова царевна въ пышномъ убранствѣ вышла на крышу и снова въ полночь скрылась во дворецъ. Тогда царевичъ сѣлъ на постель-самолетъ и очутился около спящей царевны. «Сумка, кольцо мнѣ!» шепнулъ онъ и въ рукахъ его оказалось роскошное кольцо. Онъ осторожно взялъ руку царевны и надѣлъ ей на пальчикъ кольцо.

Она тотчасъ же проснулась и съ испугомъ взглянула на него.

«Кто ты такой? Откуда ты и зачѣмъ ты здѣсь?»

«Не бойся, царевна. Я не воръ и зла тебѣ не сдѣлаю. Я сынъ великаго и мужественнаго царя. Попугай Хариманъ открылъ мнѣ твое имя и я бросилъ отца и мать, и поѣхалъ искать тебя».

«Если такъ», сказала царевна, «я не хочу, чтобъ тебя убивали; я скажу отцу и матери, что ты сынъ великаго царя и что я выбираю тебя своимъ мужемъ».

Царевичъ вернулся къ старухѣ, а царевна утромъ же объявила матери: «Сынъ великаго царя явился въ нашу страну и я рѣшила выйти за него». Мать пошла передать царю желаніе дочери.

«Хорошо», сказалъ царь, «я не препятствую, но кто желаетъ получить мою дочь, долженъ сперва исполнить то, что я ему велю. Не сможетъ — пусть пеняетъ на себя, а я велю казнить его. Пусть дадутъ царевичу немедленно восемьдесятъ пудовъ горчишнаго зерна и пусть онъ выжметъ изъ него масло въ теченіе дня. Не поспѣетъ — умретъ съ закатомъ солнца».

Тѣмъ временемъ царевичъ уже объявилъ старухѣ, что собирается жениться на царевнѣ Лабамъ. Она пришла въ ужасъ. «Несчастный», воскликнула она, «забуди свою дерзостную мечту, бѣги скорѣе изъ нашей страны! Много царей и царевичей перебивалось здѣсь; всѣ они сложили головы за красу нашей лучезарной Лабамъ, всѣхъ погубилъ ея суровый отецъ. Онъ предлагаетъ хитрыя задачи всѣмъ искателямъ ея руки, а задачи его невыполнимы и всѣ платятся жизнью за свою смѣлость. И тебя, о сынъ мой, убьютъ, если ты не скроешься отсюда, не бросишь нелѣпой мысли». Такъ причитала старуха, но царевичъ и слышать ничего не хотѣлъ.

Скоро пришли въ домикъ старухи посланные отъ царя и повели царевича во дворецъ. Тамъ царь высказалъ ему свои условія и велѣлъ выдать ему восемьдесятъ пудовъ горчишнаго сѣмени. «Обрати ихъ въ масло къ слѣдующему утру», сказалъ онъ. «Всякій кто желаетъ жениться на моей дочери, долженъ безпрекословно исполнить мой приказъ. Кому задача не по силамъ, того я велю казнить. И такъ, выполни ее или готовься къ смерти». Царевичъ нѣсколько смутился, но не захотѣлъ однако отказаться отъ царевны и согласился на условіе.

Печально сидѣлъ онъ въ лачужкѣ и обдумывалъ свое положеніе. «Какъ справиться мнѣ съ такимъ количествомъ?» думалъ онъ. Вдругъ вспомнилъ онъ о муравьиномъ царѣ и тотъ тотчасъ же предсталъ передъ нимъ «Что такъ печаленъ, царевичъ?» спросилъ онъ.

Царевичъ молча указалъ ему на чудовищную кучу горчишнаго сѣмени. «Только-то?» сказалъ муравей, «будь спокоенъ, ложись и спи, а къ утру все будетъ готово».

Обрадованный царевичъ легъ и заснулъ, а муравьи быстро исполнили за него всю работу.

На слѣдующее утро онъ отнесъ масло царю. «Постой, это еще не все», сурово встрѣтилъ его царь. «Потрудишься еще за мою дочь. У меня сидятъ въ клѣткѣ два демона; убей ихъ въ бою и Лабамъ будетъ твоя». Царь задолго до того поймалъ двухъ страшныхъ демоновъ и, не зная что съ ними дѣлать, заперъ ихъ въ клѣтку. Онъ не прочь былъ бы избавиться отъ нихъ, но какъ убить ихъ не зналъ, а выпустить на волю боялся изъ опасенія, чтобъ они не вредили его народу. Вотъ почему онъ рѣшилъ, что всѣ искатели руки прекрасной царевны должны вступать въ борьбу съ этими чудовищами.

Услышавъ о демонахъ, царевичъ призадумался и попросилъ отсрочки. Бой былъ назначенъ на слѣдующій день.

Царевичъ, вернувшись въ лачугу старухи, сталъ раздумывать, не поможетъ-ли ему въ этомъ дѣлѣ другъ его, тигръ. И тигръ мгновенно предсталъ передъ нимъ. «Что такъ печаленъ, царевичъ?» спросилъ онъ.

Сынъ раджи разсказалъ про демоновъ. «Не бойся», успокоилъ его тигръ, «ложись спать и не о чемъ не печалься, завтра мы съ женою покончимъ съ демонами».

На утро царевичъ досталъ изъ сумки два чудныхъ плаща, затканыхъ золотомъ и серебромъ и усѣянныхъ драгоцѣнными камнями. Онъ накинулъ ихъ на своихъ тигровъ и повелъ ихъ къ царю. «Могутъ друзья мои вступить за меня въ бой съ демонами?» спросилъ онъ. «Вотъ и отлично!» рѣшилъ царь, которому было въ сущности все равно кто убьетъ его демоновъ, лишь бы они были убиты. «Такъ выпускайте демоновъ, мои тигры готовы», сказалъ царевичъ. Тигры и демоны яростно набросились другъ на друга и скоро оба демона лежали растерзанные на землѣ.

Однако царь все еще не хотѣлъ отдавать своей дочери.

«Ты такъ искусень», насмѣшливо сказалъ онъ, «слетай-ка на облака, тамъ лежитъ моя литавра, ударь въ нее два раза и тогда получишь прекрасную Лабамъ».

Это порученіе не затрудняло царевича. Спокойно вернулся онъ домой, сѣлъ на постель-самолетъ, мигомъ очутился надъ облаками и звонко ударилъ по литаврѣ, такъ что гулъ ея разнесся по всему царству. «Хорошо», сказалъ царь, когда юноша снова явился передъ нимъ. «Не спорю, что ты все исполнилъ какъ требовалось. Теперь окажи мнѣ еще одну услугу и Лабамъ твоя». «Если смогу — все готовъ сдѣлать», отвѣчалъ царевичъ.

Царь указалъ ему на огромный пенъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ дворца. «Завтра при мнѣ разруби его надвое вотъ этимъ топоромъ». Онъ подалъ ему красивый топоръ — изъ воска!